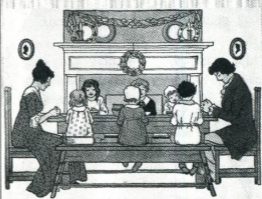

05
0-52

ISSN 0132-0637

Октябрь

БОЛЬШЕ

«МЛАДШЕ»

5 2008

32

ОКтябрь

НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

5 2008

В Н О М Е Р Е

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Ирина ГЛЕБОВА	
Глебушкины сказки	4
Вячеслав ХАРЧЕНКО	
Откуда пошла земля Русская. Рассказ с ладонь	35
Анна МАТАСОВА	
Шарик шиповника. Стихи	36
Моше ШАНИН	
Дело пахнет повестью. Рассказы	39
Дмитрий НОВИКОВ	
Военный юрист Ваня. Рассказ с ладонь	51
Михаил ЗЕМСКОВ	
Микророман в письмах	52
Александр ИЛИЧЕВСКИЙ	
На даче. Рассказ с ладонь	84
Анна МАЗУРОВА	
Комиссия. Рассказ	85
Елена ЛАПШИНА	
Кумайка. Рассказ с ладонь	95
Анна ДОБРОВОЛЬСКАЯ, Владимир ЗАБАЛУЕВ, Алексей ЗЕНЗИНОВ	
Фабрика счастья	96
Александр СНЕГИРЕВ	
Не пугайтесь, девушка!.. Рассказ с ладонь	113
Наталья БЕЛЬЧЕНКО	
Вторая трава. Стихи	114
Ильдар АБУЗЯРОВ	
Урок чтения. Рассказ с ладонь	119

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ

Андрей БАЛДИН	
Город Кремлёв	120

ЖЕСТОКОСТЬ: ВОЗМУЩАЕТ ИЛИ РАДУЕТ?

Федор ЕРМОШИН. Жестокий бифштекс * Сергей СЫЧЕВ. Больнее, еще больнее! * Мария ПАШОЛОК. Действенный прием. * Анна ТАЛЬНИЧНЫХ. Долго или никогда.* Дарья ШТЕФАНЮК. Искушение	150
--	-----

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

№ 136002

Семейная сцена Деталь детства

С этого номера журнал «Октябрь» открывает новую рубрику «Семейная сцена». О семье было сказано немало. И с любовью, и с горечью...

На наших страницах будут размышлять писатели, актеры, режиссеры, социологи, психологи. Позиции по многим положениям, в том числе и в отношении перспектив института семьи, разумеется, будут расходиться. Потому к концу года, наверняка, мы будем подводить любопытные итоги. Пока же дают старт этой рубрике молодые авторы, возраст которых – до тридцати пяти лет.

Дополнится рубрика «Деталью детства». Нам хотелось бы, чтобы писатели вспомнили о каком-либо предмете, памятном им с детства или ассоциирующимся сегодня с детскими годами. Ни одна «деталь» не повторится. Хотя так можно было бы подумать, если в качестве источника воспоминаний рассматривать фотографию. Уникальностью и интересны подобные эссе.

Денис ОСОКИН

Я ХОТЕЛ БЫ ОСТАТЬСЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ МАГАЗИНОМ...

– Что такое, по-вашему, «идеальная» семья?

– Внутри идеальной семьи супруги друг другу не врут, не устраивают в доме сквозняков, берегут все заветное, личное от посторонних – и тогда чувство Дома ничем не нарушено. Семья – это Покой. Любовь как обожание – не показатель идеальности.

А вот чуткость друг к другу – да.

Нежестокость. Идеальные супруги друг друга берегут.

А дети – это вообще не семья (почти)!

– *Согласны ли вы с той мыслью, что традиционный институт семьи распадается? Если да, то что может этому противостоять?*

– Институт семьи не распадается. А традиционный институт – так традиции же везде разные.

И наилучшее для человека семья – и наихудшее тоже. Наихудшее – если люди внутри семьи мучаются. Если глумление – вместо покоя.

– *Насколько нам действительно нужно знание собственных корней? И насколько должна быть осязательна связь между поколениями внутри семьи?*

– Не обязательно знать корни. Надо беречь живых. А корни и так все знают более или менее – если, конечно, не из Дома ребенка.

– Кем (а возможно, чем) и как вы бы хотели остаться для потомков? Оригинальные идеи (остаться, к примеру, в прямом смысле в виде предмета) не приходили?

– Я бы хотел остаться хозяйственным магазином – который никогда не закроют. Главный ассортимент его – керосиновые лампы и все, что нужно для их работы. Еще раскладушки. Брезентовые стульчики. Столы. Пара железных кроватей.

– Может ли семья быть источником вдохновения?

– Для семейных людей семья – источник вдохновения номер один. Это – в идеале.

УТКИ

Детство проходило в поселке Брикетный на северной окраине Казани. Поселок – на торфяных болотах. Частные дома – тропы и мостки. Поблизости – грузовая железная ветка. За ней – тоже болота и река Казань, уже загородная, неизвестная, как другая планета. Болота заполнены всякой живностью. Теперь там состарившиеся уже новостройки: очень давно поселок снесли, болота почти все засыпали. Я абсолютно из этих мест. С того самого времени старшие мои боги – утки. Главные судьи – и главные проводники. Они появляются в моей жизни всегда, когда хотят посочувствовать. А если не появляются – сочувствия, значит, мне нет. В возрасте шести-семи лет я четыре раза тонул в любимых болотах – утки меня жалели. Я убежден в их тогдашней помощи. Мы очень дружили – и продолжаем дружить. Увидеть утку – всегда для меня событие, не сравнимое больше ни с чем. Болотные дядьки подсекали уток на рыболовные крючки – нацепив хлеб побольше, так чтобы крючок не тонул. Утки с крючками в желудках хлопали крыльями – шарахались в разные стороны. Их подтаскивали к берегам и к лодкам. Утки мне – самые родные. Утки – моя семья. Обманутых уток больше всего и жалко. В четырнадцать лет я сам обманул одну утку, и все проблемы моей последовавшей жизни, точно знаю, из-за того. Утиные лапки носят мои жена и дочь. Обманывать уток – нет ничего хуже.

Алексей ЛУКЬЯНОВ

СЕМЬЯ – МОЙ ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН

Я довольно закрытый человек. То есть в личном плане. Я не очень люблю говорить о своей семье, потому что это мое личное пространство. К личному пространству я отношу и воспоминания о детстве. Не люблю, когда при мне начинают вспоминать, каким я был в десять или пятнадцать лет.

– Что такое, по-вашему, «идеальная» семья?

– У каждой культуры свое понимание семьи, того, что должны делать супруги. Но если в общекультурном аспекте, то идеальная семья – это такой союз, при котором один храпит, а другой не слышит. Способность примириться с недостатками супруга – главная ценность семейной жизни.

– *Может ли необходимость в семье отпасть совсем (если мир и дальше так нещадно будет персонифицироваться, в том числе концентрироваться на карьере и успешности)? Или она изменится как явление, изменит свою функцию?*

– Возьмем, к примеру, инструменты. Молоток, топор, зубило, игла, нож существенно не изменились за тысячи лет существования. Менялись дизайн и материалы, но мы всегда поймем, что этим – шили, а другим – рубили. Обратная ситуация – сложная машинерия, высокие технологии. Чем сложнее прибор, тем быстрее ему на смену придет другой сложный прибор.

Семья – это топор. Рукоятка и топориче – не добавить, не убавить. Топор нужен был человеку тысячу лет назад, будет нужен и еще через тысячу, а то и дальше. Так что институту семьи и брака ничего не угрожает.

– *Связаны ли для вас понятия «семья» и «Отчизна»?*

– Мне не нравятся слова «родина» и «отчизна». Обычно их используют для всевозможных спекуляций. Если я со своей семьей, мне неважно, какой пейзаж за окном и какая речь звучит на улице.

– *Может ли семья быть источником вдохновения?*

– Я не верю во вдохновение. Если же черпать в семье сюжеты, эпизоды, то вопрос скорее к Нине Горлановой. Семья – моя крепость, мой последний бастион, и это укрепление я никому сдавать не намерен.

Михаил ЗЕМСКОВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Есть вещи – совсем небольшие, незаметные, мелочь – но которые мне иногда необыкновенно хочется сделать. Вот сейчас, например, очень хочется покрутить ручку переключения каналов на старом – года 1970-го – телевизоре; таком, какой был когда-то у родителей на даче. Родители выбросили тот телевизор году в девяносто пятом, заменив на какой-то более современный... Я многу бы отдал, чтобы вернуть тот телевизор.

Иногда кажется, что мы все время что-то забываем – что-то очень важное; по какой-то причине наша память от него отключена. Это самое главное было дано нам то ли в детстве, то ли в прошлой жизни, но потом связь с ним почему-то потерялась, а память – стерлась. Вот теперь и приходится каждый день заниматься чем-то не тем – погружаться в будничные заботы все глубже, забывая все больше.

Когда возвращаешься в те места, где уже когда-то был, а тем более в места детства, на какой-то миг вдруг охватывает чувство, что еще немного, еще одна зацепка – и все вспомнишь. Восстановится во всей полноте связь с этим самым главным. Узнаешь и поймешь что-то новое, чего не смог понять тогда. И все исправится, жизнь станет настоящей.

Может быть, поэтому увядающее прошлое мне дороже процветающего будущего. Мне нравится ходить по местам запустения, развалинам старых домов. Когда-то для кого-то эти дома, запущенные места значили так много.

Когда-то для кого-то здесь был портал связи с самым главным. Завтра на этом месте построят новое, блестящее здание, но оно ни для кого не будет ничего значить.

– Все должно быть хорошо, – улыбнулся врач, – операция не затронет никаких жизненно важных органов. Единственно возможный риск – потеря чувства обоняния. Но с этим ведь можно смириться...

Как же с этим можно смириться?.. С потерей обоняния я потеряю неожиданные «прустовские» воспоминания, вынырывающие вдруг китом из глубины на тонкую, исчезающую в воздухе струйку знакомого запаха. Потерять возможность воспоминания – потерять часть себя.

Мои воспоминания – и значит я сам – невидимой плацентой прочно прикреплены к определенным домам, улицам, деревьям. Мне становится физически плохо, когда старый желтый дом на улице Шевченко, мимо которого я проходил каждый день в течение многих лет, неожиданно перекрашивают в оранжевый цвет. Но сегодня его даже не перекрашивают, а огораживают забором и сносят. Мой мир разрушается. Он разрушается каждый день. Дерево на улице Тулебаева заболело, и его спилили.

Что я имею в виду, когда говорю «мой мир»? Чай № 36, зеленый горошек «Globus», квас из желтой бочки-прицепа, груди желтых листьев в парке, мультипликационные Винни-Пух и Карлсон. Потрепанный томик Толстого, репродукция «Явления Христа народу» и голос Высоцкого из динамиков. Соседская собака Граф и солнечное пасхальное утро. Моя синяя куртка и старые кроссовки. Конечно, это не целый мир, а только маленькие материальные символы-зацепки, около которых складывалось мое существование.

Может показаться, что возврат зацепок вернет и все остальное. Черта-с два! Все гораздо сложнее. Как говорили какие-то греки, нельзя войти в одну и ту же реку дважды. А кто-то добавил, что даже и единожды нельзя. Особенно если боишься крокодилов.

С каждым днем у человека становится все больше прошлого и все меньше будущего. Впрочем, нет. Прошлого тоже становится меньше: память стирается.

Желание остановить настоящее, вернуть прошлое – несовременное и немодное желание. Желание, идущее вразрез с самой сутью жизни. Но ведь только в прошлом я настоящий, «устоявшийся». Только в прошлом я знаю себя и то, что вокруг. Только оно мне по-настоящему знакомо. По крайней мере мне так кажется. Именно поэтому в прошлом, в моих воспоминаниях мне так уютно и комфортно. Мне иногда кажется, еще немного – и я все-таки найду разгадку чего-то важного. Еще немного – и я пойму, почему прошлое существует само по себе и почему оно так притягательно. Кажется, еще немного – и я верну прошлое. Вернется старый трехэтажный кирпичный дом, крашенный какой-то дешевой блеклой и шершавой краской. Вернутся деревья, на которых мне были знакомы все узоры и шрамы коры, – те деревья, которые сейчас срублены. Когда я преклоняюсь перед прошлым, я общаюсь и заигрываю со смертью, встаю в оппозицию к жизни, к ее непрерывному движению вперед. Погружаясь в воспоминания, я в определенном смысле побеждаю жизнь, ее глупую радость и стремление в будущее. Во всяком случае, я противостою ей.